

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

Владимир Владимирович Маяковский

Рабочим Курска, добывшим первую руду

Маяковский одним из первых в советской поэзии приступил к осмыслению и разработке темы труда, трудового героизма. В повседневном, будничном (освоение подземных богатств) поэт сумел увидеть зарождение коммунистического отношения к труду, того нового качества в сознании советского человека, которое станет нормой его поведения: «Было: социализм — восторженное слово!.. Стало: коммунизм — обычнейшее дело». Страна, измученная войной и голодом, еще только вставала на ноги, стараясь залечить кровоточащие раны, а Маяковский в каждом ее шаге, в каждом движении уже видел ее светлую, головокружительную перспективу.

Содержание

#1	0005
Комментарии	0030
#1	0030

**Владимир Маяковский
РАБОЧИМ КУРСКА,
ДОБЫВШИМ ПЕРВУЮ РУДУ**

ВРЕМЕННЫЙ ПАМЯТНИК РАБОТЫ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Было:

социализм —

восторженное

слово!

С флагом,

с песней

становились сле-

ва,

и сама

на головы

спускалась слава.

Сквозь огонь прошли,

сквозь пушеч-

ные дула.

Вместо гор восторга —

горе дола.

Стало:

коммунизм —

обычайшее де-

ло.

Нынче

словом

не пофанфароните

—

шею крючь

да спину гни.

На вершочном
незаметном фрон-
те
завоевываются дни.
Я о тех,
кто не слышал
про греков
в
драках,
кто
не читал
про Муциев Сцевол,
кто не знает,
чем замечательны
Гракхи,
кто просто работает —
грядущего
вол.

Б_{ыло.}

Мы митинговали.
Словопадов струи,
пузыри идеи —
мир сразить во
сколько.
А на деле —
обломались
ручки у ка-

стриюли,
бреемся

стеклом-осколком.

А на деле —

у подметок дырки,—
без гвоздя

слюной

клеить — впу-

стую!

Дырку

не посадите в Бутырки,
а однако

дырки

протестуют.

«Кто был ничем, тот станет
всею!»

Станет.

А на деле —
как феллахи —

неизвестно чем

распа-

хиваем земь.

Шторы

пиджаками

на плечи надели.

Жабой

сжало грудь

блокады иго.

Изнутри
разрух стоградусовый
жар.
Машиньё
сдыхало,
рычажком по-
дрыгав.
В склепах-фабриках
железо
жрала
ржа.
Непроезженные
выли степи,
и Урал
орал
непроходимолесый.
Без железа
коммунизм
не стерпим.
Где железо?
Рельсы где?
Давайте
рельсы!
Дым
не выдоит
трубищ фабричных
вымя.
Отповедь

гудковая

крута:

«Зря

чего

ворочать маховыми?

Где железо,

отвечайте!

Где руда?»

Электризовало

массы волю.

Массы мозг

изобретательством

мотало.

Тело масс

слоняло

по горе,

по полю

голодом

и жаждою металла.

Крик,

вгоняющий

в дрожание

и в ёжь,

уши

земляные

резал:

«Даешь

железо!»

Возникал
и гдох призыв повторный
—
только шепот
шел
профессоров-слу-
жак:
де под Курском
стрелки
лезут в сто-
роны,
как Чужак.
Мне
фабрика слов
в управленье да-
на.
Я
не геолог,
но я утверждаю,
что до нас
было
под Курском
гóло.
Обыкновеннейшие
почва и подпоч-
ва.
Шар земной,
а в нем —

вода
и всяче-
ский пустяк.
Только лавы
изредка
сверлили ночь
его.
Времена спустя
на восстанье наше,
на желанье,
на
призыв
двинулись
земли низы.
От времен,
когда
лавины
рыже раз-
жижéли —
затухавших газов перегар, —
от времен,
когда
вода
входила еле
в первые
базальтовые берега, —
от времен,
когда

прабабки носоро-
жьи,
ящерьи прапрадеды
и крокодилы,
ни на что воображаемое не похо-
жие,
льдами-броненосцами катили, —
от времен,
которые
слоили папорот-
ник,
углем
каменным
застыв,
о которых
рапорта
не дал
и первый
таборник, —
залегли
железные пласты.
Будущих времен
машинный гул
в каменном
мешке
лежит —
и ни гу-
гу.

Даешь!
До мешков,
до запряженных
в сонные,
до сердца
земного
лозунг долез.

Даешь!
Грозою воль потрясенные,
трещат
казематы
над жилой желез.

Свернув
горы навалившийся груз,
ступни пустынь,
наступивших на
жилы,
железо
бежало
в извилины русл,
железо
текло
в океанские илы.

Бороло
каких-то течений слива-
ния,
какие-то горы брало в разбеге,
под Крымом

ползло,
разогнав с Пен-
сильвании,
на Мурман
взбиралось,
сорвавшись с
Норвегии.
Бежало от немцев,
боялось францу-
зов,
глаза
косивших
на лакомый кус,
пока доплелось,
задыхаясь от груза,
запряталось
в сердце России
под
Курск.
Голоса
подземные
выкачивала вет-
ра помпа.
Слушай, человек,
рулетка,
компас:
не для мопсов-гаубиц —
для мира

разыщи,
        узнай,
                найди и вырой!
Отойди
        еще
                на пяди малые,—
отойди
        и голову нагни.
Глаз искателей
                тянуло аномалией,
стрелки компасов
                крутил магнит.

Есть.

Вы,
        оравшие:
                «В лоск залускали,
рассорил
        Россию
                подсолнух!» —
посмотрите
        в работе мускулы
полуголых,
        голодных,
                сонных.
В пустырях
        ветров и снега бред,
под ногою

залегла, томясь.
Красавцем
в кудрявом
дымном клу-
бе —
за ней
сквозь камень масс!
Стальной бурав
о землю ломался.
Сиди,
оттачивай,
правь —
и снова
земли атакуется масса,
и снова
иззубрен бурав.
И снова —
ухнем!
И снова —
ура! —
в расселинах каменных масс.
Стальной
сменял
алмазный бурав,
и снова
ломался алмаз.
И когда
казалось —

правь надеж-
дам тризну,
из-под Курска
прямо в нас
настоящую
земной любовью брыз-
нул
будущего
приоткрытый глаз.
Пусть
разводят
скептики
унынье сы-
чье:
нынче, мол, не взять
и далеко ле-
жит.
Если б
коммунизму
жить
осталось
только нынче,
мы
вообще бы
перестали жить.

Лучше всяких «Лэфов»
на смерть

ранив
русского

ленивый вкус,
музыкой
в мильон подъемных кра-
нов
цокает,

защелкивает Курск.
И не тщась

взлететь
на буровые

вышки,
в иллюстрацию
зоблоговых слов,
приготовишкам

соловьишки
демонстрируют
свое
унылейшее ре-
месло.

Где бульвар
вздыхал
весною том-

ной,
не таких
любовей

лития,—
огнегубые
вздыхают топкой дом-
ны,
рассыпаясь
звездами литья.
Речка,
где и уткам
было узко,
где и по колено
не было ногам бы,
шла
плотвою флотов
речка Тускарь:
курс на Курск —
эСэСэСэРский Гам-
бург.
Всякого Нью-Йорка ньюйорки-
стей,
раздинамливая
электрический рас-
кат,
маяки
просверливающей зоркости
в девяти морях
слепят
глаза эскадр.
И при каждой топке,

каждом кране,
наступивши
молниям на хвост,
выверенные куряне
направляли
весь
с цепей сорвавший-

ся хаос.

Четкие, как выстрел,
у машин

эльвисты.

В небесах,

где месяц,

раб писате-

лин,

искры труб

черпал совком,

с башенных волчков

— куда тут

Татлин! —

отдавал

сиренами

приказ

завком.

«Слушай!

д 2!

3 и!

Пятый ряд тяжелой индустрии!

7 ф!
Доки лодок
и шестая верфь!»
Заревет сирена
и замрет тонка,
и опять
засвистывает
электриче-
ство и пар.
«Слушай!
19-й ангар!»
Раззевают
слуховые окна
крыши-но-
ры.
Сразу
в сто
товарно-пассажирских
линий
отправляются
с иголки
планёры,
рассияв
по солнцу
алюминий.
Раззевают
главный вход
заводы.

Лентами

авто и паровозы —

в глав-

ный.

С верфей

с верстовых

соскальзывают

в воды

корабли

надводных

и подводных

плаваний.

И уже

по тундрам,

обгоняя ветер

резкий,

параллельными путями

на пари

два локомотива —

скорый

и курьер-

ский —

в свитрах,

в кепках

запускают лопа-

ри.

В деревнях,

с аэропланов

озирая ты-

щеполье,
стадом

в 1000 —

не много и не ма-

ло —

пастушонок

лет семи,

не более,

управляет

световым сигналом.

Что перо? —

гусиные обноски! —

только зря

бумагу рвут,—

сто статей

напишет

обо мне

Соснов-

ский,

каждый день

меняя

«Ундервуд».

Я считаю,

обходя

бульварные ал-

леи,

скольких

наследили
юбилеи?
Пушкин,
Достоевский,
Гоголь,
Алексей Толстой
в бороде у Льва.
Не завидую —
у нас
бульваров мно-
го,
каждому
найдется
бульвар.
Может,
будет
Лазарев
у липы в ле-
пете.
Обозначат
в бронзе
чином чин.
Ну, а остальные?
Как их слéпите?
Тысяч тридцать
курских
женщин и
мужчин.

Вам
не скрестишь ручки,
не напя-
лишь тогу,
не поставишь
нянькам на затор...
Ну и слава богу!
Но зато —
на бороды дымов,
на тело гулов
не покусится
никакой Меркулов.
Трем Андреевым,
всему академиче-
скому скопу,
копошащемуся
у писателей в усах,
никогда
не вылепить
ваш красный
корпус,
заводские корпуса.
Вас
не будут звать:
«Железо брось-
те,
выверните
на спину

глаза,
возвращайтесь
вспять
к слоновой
кости,
к мамонту,
к Островскому
назад».

В ваш
столетний юбилей
не прольют
Сакулины
речей елей.

Ты работал,
ты уснул
и спи —
только город ты,
а не Шекспир.

Собинов,
перезвоните званьем
Южина.
Лезьте

корпусом
из монографий и
садов.

Курскам
ваших мраморов
не нужно.

Но зато —
на бегущий памятник
курьерский
ру-

котворный
не присядут
гадить
вóроны.

Вас
у опер
и у оперетт в антрак-
те,
в юбилее
не расхвалит
языкастый

лектор.
Речь
об вас
разгромыхает трак-
тор —
самый убедительный электролек-
тор.
Гиз
не тиснет
монографии о вас.

Но зато —
растает дыма клуб,
и опять

фамилий ваших вязь
вписывают

миллионы труб.

Двери в славу —

двери узкие,
но как бы ни были они узки,
навсегда войдете

вы,

кто в Курске

добывал

железные куски.

[1923]

Комментарии

Впервые — журн. «Леф». М.-П., 1923, № 4.
Маяковский одним из первых в советской поэзии приступил к осмыслению и разработке темы труда, трудового героизма. В повседневном, будничном (освоение подземных богатств) поэт сумел увидеть зарождение коммунистического отношения к труду, того нового качества в сознании советского человека, которое станет нормой его поведения: «Было: социализм — восторженное слово!.. Стало: коммунизм — обычнейшее дело». Страна, измученная войной и голодом, еще только вставала на ноги, стараясь залечить кровоточащие раны, а Маяковский в каждом ее шаге, в каждом движении уже видел ее светлую, головокружительную перспективу.

Я о тех..., кто не читал про Муциев Сцевол, кто не знает, чем замечательны Гракхи... — Муций Сцевола, Гай — герой древнеримского предания. Братья Гракхи, Тиберий и Гай, — политические деятели Древнего Рима.

...как феллахи — неизвестно чем распахивали

ваем землю. — Феллахи — оседлые крестьяне в странах Ближнего Востока.

...стрелки лезут в стороны, как Чужак. — Чужак (псевдоним Н. Ф. Насимовича, 1876–1937) — литературовед, журналист. В. И. Ленин в письме к А. М. Горькому дал такую оценку Чужаку: «А Чужак — дура петая, махровая, с претензиями» (Полн. собр. соч., т. 48, стр. 48).

Базальтовые берега. — Базальт — темная легкоплавкая горная порода, применяемая как строительный материал для мостовых и в других целях.

Пенсильвания — один из штатов в северо-восточной части США.

Глаз искателей тянуло аномалией, стрелки компасов крутил магнит. — Курская магнитная аномалия представляет собою самое сильное на земном шаре отклонение магнитных явлений от нормы, что объясняется наличием под Курском больших запасов железной руды.

...грязь и лужи вместе, непроходимые, как Альфред из «Известий». — Альфред — псевдоним литературного критика Капелюша Ф. Д.

(1876–1945), выступившего 10 июня 1923 года в «Известиях ВЦИК» со статьей против журнала «Леф».

Четкие, как выстрел, у машин эльвисты. — Эльвистами называли членов Лиги «Время» («ЛВ»), созданной в целях научной организации труда в СССР.

Татлин, Владимир Евграфович (1885–1953) — художник-конструктивист.

...сто статей напишет обо мне Сосновский... — Сосновский, Лев Семенович (1886–1937) — журналист, исключен из партии на XV съезде ВКП(б) как активный сторонник троцкизма. Его взгляды так или иначе сказались в его выступлениях по вопросам литературы. Он автор ряда клеветнических статей о Маяковском и его творчестве.

Может, будет Лазарев у липы в лепете. — Крупный советский физик, академик Лазарев, Петр Петрович (1878–1942) в 1919–1926 годах возглавлял работы по изучению и освоению Курской магнитной аномалии.

...на бороды дымов, на тело гулов не поку- сится никакой Меркулов. — Маяковский неточно дает фамилию советского скульп-

птора Меркурова, Сергея Дмитриевича (1881–1952).

Трем Андреевым, всему академическому скопу... никогда не вылепить ваш красный корпус, заводские корпуса. — Андреев, Николай Андреевич (1873–1932) — советский скульптор.

...возвращайтесь вспять к слоновой кости, к мамонту, к Островскому назад. — Маяковский иронизирует в адрес А. В. Луначарского, выдвинувшего лозунг «Назад к Островскому» и призывавшего учиться у великого драматурга «некоторым сторонам мастерства» в статье «Об А. Н. Островском и по поводу его», опубликованной 11 и 12 апреля 1923 года в «Известиях ВЦИК». Такой призыв казался Маяковскому поворотом назад.

...не прольют Сакулины речей елей. — Сакулин, Павел Никитич (1868–1930) — историк литературы, автор многочисленных работ о русских писателях, сторонник социологического метода в литературоведении.

Собинов, перезвоните званьем Южина. — Собинов, Леонид Витальевич (1872–1934) получил звание народного артиста республики

27 марта 1923 года. Артист и драматург Южин (псевдоним Сумбатова Александра Ивановича, 1857–1927) этого же звания был удостоен 17 сентября 1922 года.

В. Раков